

Кабацкий Максим
Сергеевич

**По ту
сторону
Рейна**

Максим Кабацкий

По ту сторону Рейна

«Издательские решения»

Кабацкий М. С.

По ту сторону Рейна / М. С. Кабацкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852427-1

Едва отгремели орудия Великой Войны, как мир вновь стоит на грани катастрофы. «Перемирие» в двадцать лет подходит к концу, в Германии настали тёмные времена... Двое французских пограничников, чудом пережившие траншеи Вердена, несут наблюдательную службу в Рейнской демилитаризованной зоне, следя за соблюдением Версальского договора. Ещё свежа в памяти людей прошлая война, а мир уже стоит на пороге новой. Для всех с каждым днём становится всё очевиднее одно — в наше время мира не будет.

ISBN 978-5-44-852427-1

© Кабацкий М. С.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

По ту сторону Рейна

Максим Сергеевич Кабацкий

© Максим Сергеевич Кабацкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2427-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Значит, ты считаешь, что война уже неизбежна?

– Хотел бы я верить, что заблуждаюсь, но факты – вещь упрямая. – Беранже продолжал двигаться прямо, всматриваясь вдаль, будто пытаясь что-то рассмотреть на горизонте. – Не прошло и двадцати лет, как мир снова пропах бензиновыми парами... – Кончил он, выдохнув печальным и слегка удручённым тоном.

– Здесь на удивление чистый воздух. – Набрав в лёгкие до предела прекрасного природного воздуха, ещё незатронутого парами цивилизации последних десятилетий, пытаюсь его приободрить, заключил я.

– Боюсь, что это ненадолго...

Шёл март 1936 года. Мы вместе с Беранже продолжали выполнять нашу работу по патрулированию Рейнской демилитаризованной зоны, созданной по итогам Версальского договора. По его сорок второй статье весь левый берег Рейна и пятьдесят километров справа от него объявлялись демилитаризованными – немцам было категорически запрещено размещать здесь свои войска. Так мы, французы, можем быть уверены, что наши восточные соседи не предпримут против нас военную операцию, и в случае чего наши подразделения смогут занять эту зону без столкновения с немецкими регулярными войсками.

– Побольше оптимизма! – Обнадёживающим тоном возразил я ему. – Даже в те страшные дни траншей под Верденом, когда нас травили газом, а ядовитое облако смерти скрывало перед нами всё, словно туман отчаяния, ты проявлял больше оптимизма, сжимая свою старую, но верную Fusil Lebel¹, жадно поливая свинцом сквозь туман и грозы кайзеровских империалистов!

Мы были простыми пограничниками, прошедшими ужасы Вердена и вернувшиеся живыми. Тогда мы ещё были молодыми мальчишками, попавшими на фронт, только что достигнув совершеннолетия. В те кровавые осенние месяцы, когда плакали сами небеса, обильно удобряя холодной водой земляные окопы, когда ночью спали лишь мертвецы, мы сражались с коварным и сильным врагом, пришедшим на наши земли убивать. В этом сумбурном кошмаре будто сама судьба свела нас вместе – знакомство наше пришлось на очередную тяжёлую и затяжную вылазку немцев, пытавшихся прорвать наши ряды. Пробиваясь сквозь заслоны и баррикады, они потеснили наших ребят впереди, что им временно пришлось отступить. Меня с другими товарищами послали к ним в качестве подкрепления, дабы прикрыть ретиравшихся соотечественников. Это была тяжёлая ночь, полная смертей и страха... половина нашего отряда не вернулась... А из вернувшихся прошли войну только лишь единицы счастливых вроде меня, отмеченных самой судьбой.

Укрепления подчистую были разрушены молниеносными атаками немцев – стоило нам только подобраться ближе, как я заметил за спиной отступавших среди грязной земли и остатков баррикады солдата, тщетно пытавшегося вытащить из под груды обломков придавленную ими ногу. Он, вцепившись своими руками в винтовку, словно коршун в спину своей добычи,

¹ Фр. Винтовка Лебеля.

отчаянно отстреливал наступающих немцев, которым оставалось всего что-то около сотни метров до нашей позиции. Видя всеобщий хаос и страх в глазах отступавших (большинство из которых были новичками; Верден был для них местом первой, и для многих – последней битвы), испытывая смешанные чувства, я, одновременно ведомый и инстинктом, и приглушённым криком рассудка, не растерявшись, занял выжидательную позицию и начал прицельно отстреливать наступавшие на нас ряды противника, уже принёсшие смерть на наши земли. Руки дрожали – до этого приходилось убивать неприятеля, но каждый раз... я тогда ещё не привык к этому. В ту ночь мне удалось уложить в землю троих оккупантов – правда, высадив в них весь магазин...

Это была одна из моих первых серьёзных вылазок. Как ни странно, удача оказалась на нашей стороне – немцы, большая часть которых с той стороны также состояла из «новичков», не ожидали столь быстрого прихода нашего подкрепления; пока они оцепенели, застыв в растерянности и нерешительности, мне удалось подобраться поближе и помочь солдату вытащить застрявшую ногу. Мы быстро ретировались, рискуя словить пулю в спину. Стоило нам только отойти на несколько десятков метров, как немцы мигом взяли покинутую всеми позицию. Но тогда было только что-то около полночи... в ту тяжёлую и длинную ночь, полную смертей и нескончаемых увечий, эти укрепления переходили из одних цепких лап в другие раз шесть или семь – всё происходило столь быстро, что мозг не успевал запоминать все детали, цепляясь лишь за одну потаённую мысль, полную надежды и веры – выжить. Выжить в этих страшных траншеях смерти любой ценой.

Ужасы Вердена... эта история дней давно минувших, кажущаяся сейчас совершенно немыслимой. Но с каждым годом эти события начинают не забываться; воспоминания о них – они, будто предвестник грядущей бури, начинают становиться раз от раза только сильнее. Мы живём в тяжёлые времена – в те, когда лишь малая искра может возбудить пламя неугасаемой смертоносной войны...

– Тогда мы были совсем юнцами... С годами начинаешь осознавать, что энергия молодости порою заслоняет странной пеленой рассудок, вынуждая идти на решительные действия ради победы...

– Значит, этому юношескому порыву мы и должны быть благодарны за то, что пережили те смутные времена.

– Пережив одни времена, мы с тобой становимся свидетелями других, не менее тёмных времён...

Сейчас для меня удивителен тот факт, что в ту ночь на краю гибели оказался Беранже а не я. Тогда мы мало чем отличались – во многом наши характеры сходились, но после войны я начал замечать, что слова и мысли моего верного компаньона жизни наполнены пронизательным и глубоким смыслом... Даже сейчас, пытаюсь возражать ему, дабы поднять настрой, я ловлю себя на мысли, что всё так и есть. Он прозорлив и умен... действительно странно, что тогда не я оказался на его месте, когда он стоял на волоске от смерти. Такова воля случая – любой человек может погрязнуть в вечном мраке, сгинув в губительной бездне смерти...

Дело было к вечеру. Мы двигались на юго-запад от Эльтвилля вдоль правого берега Рейна, осматривая позиции на наличие немецких войск. Пока всё было спокойно и нам на глаза не попадалось ни одного немецкого солдата. Не только за все эти долгие годы, но и особенно в последние три – когда остаток демократических сил в Германии пал и на их место пришли силы, намеревающиеся выплеснуть едкую горечь поражения, решительно пересмотрев Версальский договор и поставив под сомнение суверенитет народов, чья независимость им и гарантирована. Не считая отказа выплачивать репарации и введения всеобщей воинской повинности пока никаких других серьёзных нарушений Договора замечено не было. Остро стоит вопрос о Рейнской демилитаризованной зоне – если и это положение будет нарушено, то всё то, что

лежит к западу от Германии уже нельзя будет защитить от бесчисленных орд марширующих войск.

Природа, играющая весенними красками, в эти дни была особенно хороша – это место, будучи единственным в стране лишённым власти милитаристов, цвело на глазах; никакой свист птиц, рассеявшихся на цветущих дубах и никакой лучик вечернего солнца не были способны причинить делу мира ничего плохого. Наоборот, бродя по таким местам ранней весной, начинаешь проникаться мыслью о том, что война – лишь очередное оскорбление всей природы вещей. Но увы, не всем умам Человечества суждено это понять...

Но сейчас была весна наоборот – «цветущая осень», если можно так выразиться. Не в атмосфере, так в сути последних событий чувствовалось, что вот-вот настанет время решительных действий...

– Хватит о былом. – Сказал я, аккуратно пытаюсь отойти от горечи дней давно минувших. – Тогда мы ни один раз были на волоске от смерти, выручая друг друга из тяжёлых передряг...

– По крайней мере, в одном я с тобой полностью согласен – природа здесь просто замечательная...

Мы продолжали двигаться вперёд. Неподальёку от нас виднелся могущественный Рейн – бегущая с альпийских гор могучая река, проложившая свой маршрут до самого Северного моря. Он на удивление был спокоен и стоичен: его воды медленно, но верно двигались вперёд, параллельно нашему шагу на юго-запад. Берега по его обе стороны были плодородны; весна только началась, а прибрежные луга уже зеленели цветнее яркого солнечного луча. Подходил к концу лишь шестой весенний день, на удивление тёплый и чистый; уже богатые на природную красоту земли цветут и пахнут – весна пришла сюда очень рано.

Справа от нас мелькал редкий, то исчезающий вдалеке, то подходящий к нам почти вплотную, маленький, но замечательный дивный лес, из которого доносились жизнерадостные звуки природы. Впереди же, за горизонтом солнце аккуратно спускалось вниз, устремляясь в свой надир, бросая жёлто-красные лучики приятного душе света. Небеса были оранжево-фиолетового оттенка, образуя при этом интересные и загадочные фигуры, способные заставить задуматься о многом. Даже и не верится, что ранняя весна может быть такой красивой и совсем не испорченной перележавшим снегом.

– Скоро надо останавливаться. – Сказал мне Беранже уставшим после долгого дня голосом. – Минут через тридцать разобьём лагерь.

– Поддерживаю. – Одобрительно бросил я. Идём весь день – надо будет как следует передохнуть, подготовившись ко дню грядущему.

Наблюдатели в демилитаризованной зоне были разными; одни сидели в городах и посёлках, иногда на импровизированных дозорных постах, наблюдая за тем, чтобы никакие войска не приближались к зоне их контроля; другие же, такие как мы, были разбиты на мобильные отряды и следили за потенциальным передвижением в местах, отдалённых от городов – учитывая здешние расстояния между населёнными пунктами, пока армия дойдёт до ближайшего, уже вторгнувшись в демилитаризованную зону, может пройти несколько часов, а такая задержка для нашей страны может оказаться абсолютно непростительной.

Мы были во втором-третьем эшелоне; периодически наши отряды «перетасовывались», менялись местами позиции наблюдателей. В этом была некоторая логика, но иногда мне казалось, что лучше всем оставаться на своём месте, поскольку уже известны особенности рельефа и природы, но приказ есть приказ. Сейчас мы как раз двигались к третьему со второго, чтобы поменяться с коллегами местами и продолжить наблюдение на другом берегу напротив Бингена. Разница между вторым и третьим эшелоном не особенно заметна, но обычно наблюдатели чувствуют себя спокойнее подальше от восточной границы зоны...

Интересна была судьба у первого эшелона – у тех, кто находится непосредственно на самом конце демилитаризованной зоны, на пятидесятом километре правого берега Рейна. Как правило, туда отправляют солдат регулярной армии, либо «увольняя» их, временно переводя в запас, либо посылая открыто, что происходит гораздо реже. Есть в этом определённая логика – мы же всё-таки наблюдатели, следящие за миром и порядком, а не оккупанты; нельзя давать пропагандистской машине коричневого монстра предлога обвинить нас в оккупации немецких земель – это может нам дорого стоить.

Нам не приходилось бывать в первом эшелоне – может, оно и к лучшему. Хотя мы и были отставными солдатами. Всё же нужны и люди, которые будут следить за обстановкой на местах не только на границе области – территория демилитаризованной зоны довольно обширна, и немецкие войска, знающие эту землю как родную, без труда могут найти брешь в нашей «обороне» и проникнуть внутрь; тем более ничто не мешает гражданскому правительству организовать что-то на местах непосредственно внутри самой территории... Контроль всегда важен – равно как и соблюдение договоров.

Снаряжение у нас было универсальным – им, как правило, оснащались не «сидячие», а так сказать, «бродячие» отряды, типичными представителями которого мы вдвоём и были. Было всё – походные принадлежности вроде компаса, бинокль, спальные мешки, фотокамера, – на случай фиксации нарушений, – и даже... оружие. У нас на руках было по Revolver Modèle 1892² и ножу. Это уже была наша личная инициатива – трофейная память минувших дней и нож, часто использовавшийся нами в мирных, походных целях. А револьвер... револьвер был спрятан в кобуре на всякий случай. Нам не разрешали носить оружие – только три года назад после известных событий мы решили «перестраховаться». На моей памяти нет инцидентов, когда кому-то из наблюдателей угрожали или пытались применить к ним силу, создавая потенциальную ситуацию для применения оружия – но в наше столь беспокойное время нельзя быть уверенным в своей собственной безопасности...

Беранже усердно осматривал окрестности – вот уже как минут пять я заметил за ним эту особенность поведения. Он не был параноиком, но в наше беспокойное время всем надо быть начеку.

– Что же, пора приземляться. – Проронил он, предварительно остановившись и «пробежавшись» биноклем по линии горизонта.

Место было выбрано весьма удачно. Шагах в пятидесяти от нас по левую сторону воды Рейна умиротворённо протекали вдоль берега, чей стоический покой нарушался разве что приятным дуновением тёплого ветра, создающим мелкую рябь на верху всё ещё холодных вод. Не успела отстучать свои первые шаги весна, а трава уже была зеленее богатых на растительность тропических джунглей; всё цвело и пахло новыми, успокаивающими душу красками. Но спокойнее от этого не было – в любой момент всё могло измениться коренным образом.

– Прошёл почти год с того дня... – Располагаясь неподалёку от берега, Беранже с тоской в голосе проронил. – Фронт Стрезы спустил всё на тормозах...

– Всеобщая воинская повинность... – Понимая, к чему клонит мой друг, сказал я, сев справа от него и устремив свой взор на могучие сильные воды Рейна.

– Немцам ничего не угрожает – в мирное время таких мер не предпринимают. Не к добру всё это.

Когда в середине марта того года в Германии ввели всеобщую повинность, мы сильно насторожились, продолжая выполнять нашу опасную и с каждым днём всё более рискованную работу. До сих пор их войска не подходили к Рейну, но с каждым годом шаткое положение мира становится всё более неустойчивым; одно принятое решение может оказаться фитилем

² Фр. Револьвер образца 1892 года.

новой бомбы, который приведёт к ещё более опасному конфликту и противостоянию, нежели сараевская.

– Считай, спустя десять лет после Рура.

– Да... – Беранже, опустив голову, вспоминая наше прошлое, продолжал отвечать мне. – Сколько тогда погибло? Чуть меньше полторы сотни?

Мы застали с ним Рурский кризис 1923 года – тогда мы патрулировали земли близ Ахена, частенько пересекаясь с нашими бельгийскими друзьями. Веймарская республика специально затягивала с выплатой репараций, пытаясь всеми правовыми и не только средствами сорвать платежи; мы вместе с нашими бельгийскими коллегами не могли мириться с таким положением дел, по сути оскорбительным против воли наших народов – Германия должна была возместить все те страдания, которые пережили наши земли в те тяжёлые годы Великой Войны. Мы не просили ничего лишнего – только вернуть деньги за разрушения и боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.